

«ЧЕРНЫЙ И БЕЛЫЙ — МОИ ЦВЕТА»

Триптих - 1996 - 6 мая - с. 5

С выставки работ художника Игоря ОБРОСОВА

В одной Москве сегодня около 170 художественных и, простите, антихудожественных галерей. Кто только не устраивает нынче «обалденных инсталляций» или китч-экспозиций — вы смотрите на треснувший унитаз или мятую солдатскую ушанку и должны проникнуться неким настроением. Русский авангард стал в последние годы, по замечанию Иосифа Бродского, не более чем вывеской лавочника, стремящегося привлечь покупателя.

А серьезное искусство остается, талантливые русские художники работают. Они, правда, не часто мелькают на телеэкранах, не любят навязываться публике. Например, художник Игорь Обросов в тиши мастерской годами вынашивает свои замыслы, не спеша на суд зрителей. И ненадолго зайдя в его ателье-мансарду на Поварской в Москве, я вдруг увидел нового, неожиданного Обросова.

В молодые годы, в начале 60-х, он утверждал вместе со своими ровесниками и друзьями «суровый стиль», противостоявший официальной «оптимистической» живописи (вспомним скандал с картиной П. Никонова «Геологи»). Та суровость, драматичность взгляда на жизнь остались у Игоря Обросова и в позднейших живописных циклах на темы 30—40-х годов (сталинские репрес-

сии, Великая Отечественная).

В 70-е начинается другой Обросов, поэт русской сельщины. Ярославские и вологодские пейзажи, деревенские интерьеры, брошенные избы предстали на холстах живописца. Так же вполне естественно пришел он к своей великолепной серии «Русские красавицы». Не рубенсовская ликующая плоть привлекла художника и не кустодиевское чувственное умиление; у Обросова — другое: ослепляющее, чистейшее празднество равнодушной к себе женской красоты. Суровая, почти монохромная живопись здесь осталась, но в полусумрачных интерьерах деревенской избы почти светятся целомудренные тела и лики тяжеловатых сельских красавиц, отрешенных от стороннего взгляда.

И, наконец, сегодняшний Обросов: триптих (трехчастная компо-

зиция), посвященный женщинам Великой Отечественной. В нем слились суровость и нежность, любовь и трагедия, духовная напряженность безмолвия и тяжкая правда войны... В центральной картине триптиха — «Сон» ночное поле с брустверами и окопами войны и спящие под открытым небом солдаты в часы затишья и — как небесные сновидения — слетевшие к ним и прильнувшие к грубым шинелям прекрасные, почти призрачные обнаженные женщины, явившиеся в солдатских снах...

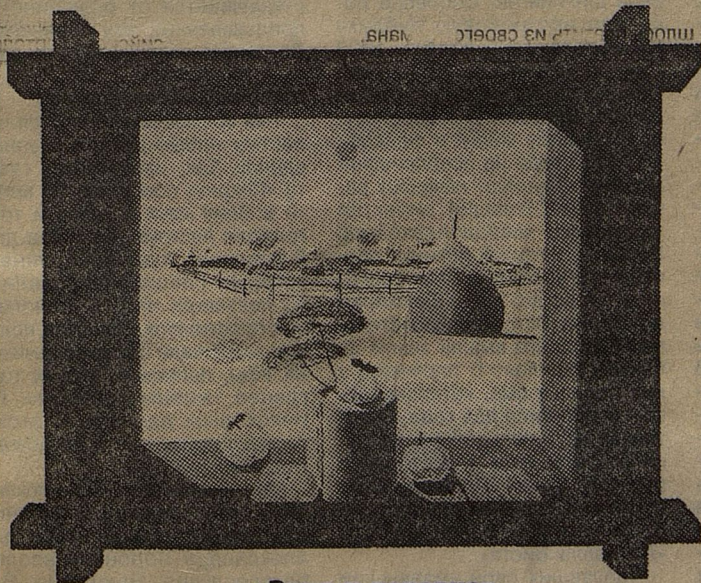
В картине звучат почти несоединимые традиции: Шагала и Дейнеки, Петрова-Водкина и древнерусских баталистов. В триптихе сказались лучшие качества картин Обросова: строгость живописной палитры и — безмолвие как духовная концентрация чувства и мысли художника. Наверно, безмолвие полнее всего выражает природу живописи; картина разговаривает не криком и не словами, а языком ритмов, линий, цвета, света.

Обросов давно отказался от многих живописных соблазнов: цветовая гамма его предельно скупа — черно-белая темпера и теплые удары коричневатых то-

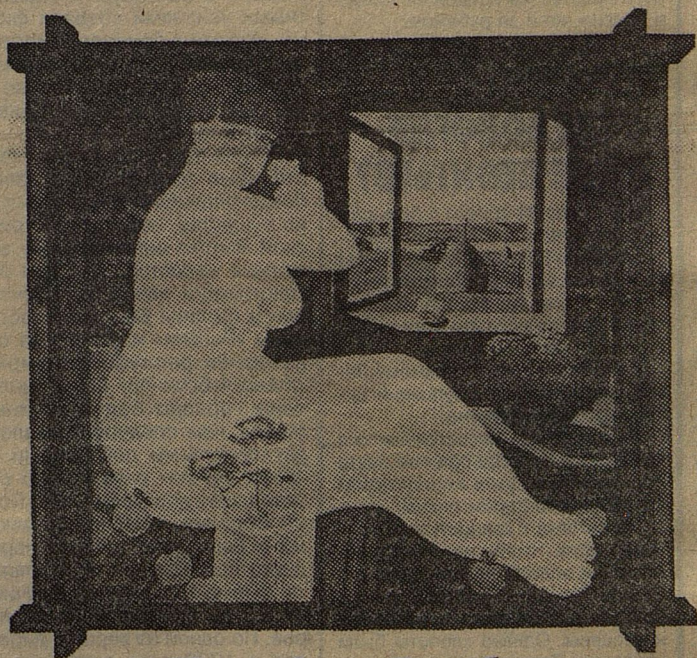
нов. Потому так празднично и звучно вдруг возникали в его сельских картинах ярко-красное пятно брусники в плошке на столе или рыжеватая грива юной красавицы. Но главное все-таки «черный и белый — мои цвета». Может, поэтому у Обросова много ночных пейзажей, лунных интерьеров сельской избы, когда уходит пестрое разноцветье, остается задумчивость и тишина. Его любимый поэт Федор Тютчев — тоже ведь поэт подлунного мерцания, звездного света, в котором царит «мир души ночной», жаждущий слиться с беспредельным. Кстати, триптих «Женщинам Великой Отечественной...» демонстрируется на выставке произведений, выдвинутых на соискание Государственной премии России.

Впрочем, в последних картинах — опять же вдруг! — появляется многоцветный Игорь Обросов. Народный художник России, член-корреспондент Академии художеств, лауреат многих премий, представленный в музеях России, Европы и Америки, — всегда будет неожиданным и непредуганным.

Владимир ВОРОНОВ.

• «Зима в деревне»

• «Яблочный спас. После бани»